

ОБРЯД ПРОЩЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Э. ГАССИН*

Статья является первой попыткой психологического исследования православного христианского обряда. Автор предпринимает обзор психологических работ, посвященных обряду, и приводит результаты собственного исследования, проведенного среди прихожан Православной Церкви на материале обряда Прощеного Воскресения. На этой основе, а также привлекая свой личный опыт участия в православном обряде, автор пытается постигнуть ту роль, которую может играть обряд в психологическом, социальном и духовном становлении православных христиан.

В последние 20 лет психологами-исследователями было предпринято активное изучение проблемы прощения людьми друг друга. В основном, существующая научная литература касается или выгод прощения, или того, как достигается прощение в терапевтическом контексте, или первого и второго вместе. Хотя некоторые практикующие психологи, а также исследователи затрагивают значение терапевтического ритуала в процессе прощения (об этом см. ниже), очень мало внимания уделяется роли, которую может играть традиционная религия, воспитывая в людях умение прощать и принимать прощение. Этот факт вызывает сожаление, учитывая, что и участие в обряде, и сама религиозная вера влекут за собой множество позитивных результатов для человека.

Мы поставили себе целью настоящей работы восполнить явный пробел относительно религиозных обрядов прощения, существующий ныне в терапевтической литературе. Для этого мы, используя количественные и качественные методы исследования, рассмотрим сущность и назначе-

* *Элизабет А. Гассин* – доктор философии, профессор психологии в университете Olivet Nazarene (штат Иллинойс, США).

ние службы Прощеного Воскресения в традиции Восточного Православного Христианства.

Психология прощения

Хотя существует множество определений того, что такое прощение людьми друг друга, вероятно, одно из самых исчерпывающих было предложено Р.Энрайтом и Р.Фитцгиббонсом:

Люди, после того, как они рационально пришли к выводу, что с ними несправедливо поступили, прощают, если они добровольно отказываются от обиды и сопутствующих реакций (на которые они имеют право) и стараются отвечать обидчику, основываясь на нравственном принципе добродетели, который может включать сострадание, великодушие и духовную любовь (на что обидчик, по природе своего злонамеренного поступка или поступков, не имеет права) (*Enright, Fitzgibbons, 2000, с.29*).

Большинство психологов соглашаются, что прощение должно отличаться от *потворства* обидчику (т.е. его игнорирования его поступка или даже умеренного одобрения); многие также утверждают, что его нельзя путать с *примирением* (восстановлением отношений с обидчиком). Прощение не исключает умеренного, ограниченного выражения гнева по отношению к обидчику или поисков разумного исправления несправедливости.

С конца 80-х годов было проведено множество эмпирических исследований, продемонстрировавших целительный эффект, который оказывает прощение на душевное здоровье прощающего. Более ранние работы по изучению прощения, представленные в обзоре Энрайта и Фитцгиббонса (2000), демонстрируют, что прощение может благотворно воздействовать на уровень депрессии, тревожности, оптимизма и самооценки. Более поздние корреляционные (*Pope, Beck, Shue, & Cook, 2003; Rye, Folck, Heim, Olszewski, Brandon, & Traina, 2004*) и экспериментальные (*Rye, Pargament, Pan, Yingling, Shogren, & Ito, 2005*) исследования подтверждают эти выводы. В некоторых работах предполагается, что прощение даже может влиять положительным образом на *физическое* здоровье (*Gassin, 2005; Witvliet, 2001*).

Работы, исследующие *поиск* прощения, гораздо менее распространены. Как бы то ни было, немногочисленные данные, а также дискуссии на эту тему, которые существуют, заставляют предполагать, что поиск прощения также положительно коррелирует с показателями душевного здоровья. Работы, в которых оценивается и обсуждается такой процесс, как поиск прощения, показывают, что те, кто просит прощения, испытывают облегчение, желание не причинять боль человеку опять, и чувство, что

отношения с обиженным улучшились (Gassin, 1997, 1998). Более поздние исследования показывают, что смирение (Sandage, Worthington, Hight, & Berry, 2000) и конструктивное чувство вины (Mitchell, 2003) коррелируют с поиском прощения, хотя, вероятно, что эти характеристики, скорее, *способствуют* желанию прощения, нежели *следуют из* него.

Терапевты часто включают ритуал в процесс психотерапии (Cole, 2003; Vandermeersch, 1990), и поэтому неудивительно, что ученые и практики, выступающие за использование прощения в исцелении, делают то же самое. Так, например, Ди Блацио (DiBlasio, 2000) описывает 13-шаговую стратегию прощения супружеской неверности, которая завершается церемонией празднования прощения друг друга; Хагрейв (Hargrave, 1994) делает нечто подобное. В то время как Ди Блацио и Хагрейв позволяют клиентам создать собственное ритуальное действие, Банетт и Юнгберг (Barnett, Youngberg, 2004) предписывают определенную процедуру, составленную так, чтобы она представляла процесс прощения. К сожалению, авторы не дают систематической эмпирической оценки воздействия ритуала на душевное здоровье и отношения клиентов. Чтобы составить мнение, обладает ли ритуал – особенно религиозный обряд – исцеляющим действием, мы должны обратиться к редким работам на эту тему из области психологии религии.

Психологический анализ религиозного обряда

Психологи, изучающие религию, уделяли поразительно мало внимания роли и действию обряда в жизни верующего. Как бы то ни было, те немногие теоретические и эмпирические работы, которые все же существуют, позволяют считать, что участие в обряде может оказывать позитивный эффект на психологическое, социальное и духовное развитие человека.

Теоретические работы

Роль обряда в психологическом развитии особенно глубоко разработана Э.Эриксонем (Erikson, 1977). Он отмечает, что общераспространенный антропологический подход к обряду предназначает ему функцию углубления общности, «вневременное качество, пробуждающее во всех участниках чувство благоговения и очищения» (с.78). Исходя из его собственной теории психосоциального развития, Эриксон утверждает, что формализованное действие играет уникальную роль на каждой стадии жизни. В младенчестве ритуализированный распорядок приводит к взаимному признанию между ребенком и тем, кто о нем заботится, а также к ощущению безопасности у ребенка при разделении с тем, кто о нем заботится. В раннем детстве ритуалы учат детей отличать хорошее от плохого.

го. В дошкольные годы такого рода активность позволяет ребенку, посредством ролевой игры, копировать поведение тех, кто представляет его эго-идеал. Формализованные установления в подростковом возрасте укрепляют развитие идеологических убеждений. Эриксон утверждает, что религиозные обряды во взрослом возрасте могут служить тем же целям, воспроизводя эти базовые потребности более ранних периодов жизни.

К.Райх (*Reich, 1990*) вторит Эриксону, акцентируя роль обряда в развитии мировоззрения у молодых людей, и добавляет к этому тезис о важности изменения чувств и побуждений в жизни за пределами участия в обрядах. Он пишет:

Настоящий символический ритуал имеет непосредственное действие на многих людей, являя собой взгляд на мир, имеющий несомненную реальность, порождая такие чувства и побуждения, которые отвечают этому взгляду на мир, и внося эти чувства и побуждения в повседневную жизнь. Ритуал, о котором идет речь, предоставляет возможность почувствовать и постигнуть хотя бы еще одно возможное нравственное мироустройство, дает почву для нравственных поисков человека, возможность поддержки и укрепления в неразделяемой обществом моральной позиции, помогает утверждению собственных ценностей и их воплощению на практике. Чтобы он был отнесен к категории «позитивного» в нашей глобальной деревне, обряд должен усиливать нравственную восприимчивость, а также чувство всемирной общности и связанности, достоинства каждой жизни (с.с. 125-126).

Дж.Якобс (*Jacobs, 1992*) подчеркивает, что участие в обрядовых формах вероисповедания, частным образом или публично, одновременно является (а) формой катарсиса, избавляющего от чувства вины и стыда, (б) путем, на котором мы воссоединяемся с миром людей и духовным миром, и (в) восстановлением своей части, скомпрометированной чувством вины. Ритуальные проявления гнева, с другой стороны, дают возможность тем, кто не наделен властью, выразить свои чувства без страха возмездия со стороны власть имущих..

Эмпирические работы

В то время, как уже приведенные работы являются, в основном, теоретическими исследованиями, существуют другие, в которых авторы эмпирически подтверждают идею о том, что участие в обрядовых действиях вносит свой вклад в личностное развитие. Например, П.Моррис (*Morris, 1982*) приводит ряд количественных подтверждений того, что религиозное паломничество в Lourdes способствует снижению тревожности и депрессии. Однако, поскольку у автора отсутствовала контрольная группа, здесь нельзя сделать какого-то четкого утверждения о причинах.

Дж.Ван дер Ланс и Х.Джиртс (*Van der Lans, Geerts, 1990*) отмечают, что участие в обрядах предназначено для укрепления связей в сообществе; эти авторы утверждают также, что обряд производит в участниках когнитивные изменения в области мировоззрения:

Ритуальное действие должно служить укреплению религиозного взгляда, так что он становится системой отсчета для самовосприятия участников и для выбора ими жизненных целей (с. 90).

Авторы приводят данные самоотчетов, показывающие, что между участием в католической мессе и этими двумя целями существует связь, однако неодинаковая для всех участников. Те, кто достиг определенных высот в своей религиозности, демонстрируют большую степень совпадения между участием в мессе и более сильным сознанием общности, а также изменениями мировоззрения. Возраст оказывает влияние на связь между участием в обряде и укреплением сообщества позитивным, линейным образом (т.е., те, кто старше, демонстрируют более сильную связь). Он также влияет нелинейным образом на связь между участием в обряде и изменениями мировоззрения: подростки демонстрируют сильную негативную корреляцию между этими двумя переменными, в то время как юношеству свойственна сильная позитивная корреляция. Корреляции в других возрастных группах являются несущественными. Обстановка и практика того или иного прихода (например, пространство между молящимися, участие общины в целовании мира) также оказывают влияние на то, каковы отношения между участием в обряде и его последствиями.

Е.Айдлер и С.Касл (*Idler, Kasl, 1992*) приводят факты, свидетельствующие о том, что участие в обряде способствует даже физическому здоровью. Они обнаружили, что христиане и иудеи пожилого возраста с большей вероятностью умирают сразу по окончании больших религиозных праздников, чем непосредственно перед ними. Участие в общем праздновании прогнозирует эту тенденцию в большей степени, чем частная, домашняя молитва. Хотя участие в обряде может быть просто участием в общественном событии, структура полученных данных позволяет все-таки заключить, что реальная вовлеченность в определенную духовную традицию является ключевым фактором, определяющим полученные результаты. Эта тенденция, например, проявляется лучше у католиков, чем у протестантов, которые принадлежат к традиции с гораздо менее выраженной литургической жизнью. Кроме того, данные, полученные на иудеях-мужчинах (которые совершают обряды еврейской Пасхи) вполне соответствуют тенденции, описанной авторами, в то время как данные, по-

лученные на женщинах иудейского вероисповедания, – нет. Авторы предлагают ряд идей, объясняющих то, что они обнаружили. Например, они заявляют, что, поскольку обряды связаны с прошлым, участие в традиционной обрядовой жизни помогает обновить связи между людьми старшего поколения и остальной семьей, а также связи с умершими друзьями. Также возможно, что некоторые особые обряды подпитывают и укрепляют недельные и годовые жизненные циклы, что, в свою очередь, может помочь разрешению кризиса целостности у пожилых людей и принести человеку ощущение мира.

Работы по Православному обряду

Не удивительно, что приведенные выше исследования были сосредоточены на обрядовых религиозных традициях, преобладающих на Западе – римском католицизме и иудаизме. По-видимому, на англоязычном Западе единственным исследованием, которое прямо обращается к восточной православной традиции, является докторская диссертация С.Бюлиха (*Bulich*, 1985). Здесь дан теоретический анализ влияния Божественной Литургии на душевное здоровье. Бюлих отмечает, что, в отличие от других религиозных традиций, которые ставят на первое место проповедь, пастырскую беседу или церковное братство как наиболее важные моменты исцеления, для православных христиан участие в литургических службах является «наиболее мощным источником духовного и эмоционального роста» (с. 104). Автор, кроме того, утверждает, что православное богослужение способствует возникновению ощущения и настоящего, присутствующего, и конечного смысла, а также укреплению участников богослужения в том, что они являются «ценными, активными, приносящими пользу людьми... подчеркивая их реальное существование в качестве жителей Царствия Божия, начинающегося в этой жизни и простирающегося в вечность» (с.106). Поскольку одна из распространенных интерпретаций Божественной Литургии заключается в том, что это есть краткое повторение жизни Христа, верующий участник богослужения также способен проникнуть в собственное страдание в свете страданий Христа и Его воскресения. И так как литургическая служба богато насыщена символизмом, а символы выполняют объединяющую функцию (сведение вместе вещей, которые были искусственно отделены одна от другой), участники могут обнаружить, что их собственная психологическая и социальная разобщенность исцелена. Наконец, поскольку принятие Таинства Причастия подразумевает также принятие Богом, причастники, кроме всего прочего, должны обнаруживать, что им возвращается их достоинство. Акцент на покаянии, прощении и примирении, который пронизывает участие в Евхаристии, утверждает позитивные отношения. Вслед

за Эриксоном Бюлих настаивает на том, что именно эти моменты помогают также решить проблемы, связанные с доверием, близостью и плодотворностью жизни. Эта работа делает важный первоначальный шаг в оценке того, какое действие на православных верующих оказывает участие в обрядах, однако, оставляет необходимость эмпирического исследования.

Обряд Прощеного Воскресения

Служба Прощеного Воскресения происходит вечером в воскресенье перед началом Великого Поста. Если, согласно христианской традиции Запада, к Великому Посту приступают в среду (Ash Wednesday), то восточные христиане начинают поститься в понедельник первой недели Великого Поста. Официально, именно Прощеное Воскресение открывает этот священный период. Ранним утром православные верующие посещают Божественную Литургию, и каждый год в литургических текстах этой службы поминается изгнание Адама из рая (Быт 3). После Божественной Литургии наступает время совместной трапезы, общения, отдыха – период, который варьирует от прихода к приходу; в некоторых церквях Прощеное Воскресенье служится после довольно длинного перерыва на чай непосредственно после утренней службы, в других церквях – гораздо позднее, вечером.

В следующем параграфе мы поместили некоторые зарисовки и размышления, относящиеся к Прощеному Воскресению 2000-го года, и записанные для литургического журнала, который велся нами в то время. Имена и некоторые детали были изменены, для того чтобы защитить право на частную жизнь участвующих. Описание это дает читателю конкретное и подробное представление о том, как исполняется данный обряд, а также о некоторых богословских принципах, лежащих в его основе.

Опыт участника

В одно воскресное утро середины марта 2000-го года христиане Восточной Православной традиции во всем мире поминали изгнание Адама из Рая и готовились вступить в Великий Пост. Слушая в тот день церковные песнопения, люди как бы испытывали на себе ту физическую, психологическую и духовную боль, которая поразила Адама после изгнания из Эдемского Сада, и вторили его несмолкаемым мольбам о возвращении к Богу, о том, чтобы Бог вновь открыл для него врата Рая. Слушая эти прекрасные, и, в то же время, печальные гимны, я вспоминала буквальное определение греха. Грех (по-гречески, *harmartia*) – это термин, относящийся к стрельбе из лука, и буквально означающий *промахнуться мимо мишени*. Для некоторых христиан привычно думать об этой мишени, как о Божественном законе или о нравственном поведении. Но, по своему

существо, грех является разрывом отношений с Богом: *мишень* – ни что иное как Бог Сам по Себе. Грех – это разрушенные отношения с Богом и, как следствие, разрушенные отношения с другими.

Адам плачет о том, чтобы врата открылись вновь, и для православных христиан вратами, которые ведут в покаянный период Великого Поста, является прощение друг друга. Вечером того воскресенья, когда начинается Великий Пост, мы собираемся на Прощеную Вечерю. Я вошла в собор, и мое внимание приковало к себе большое распятие. Обычно это изображение распятого на кресте Христа находилось в юго-восточном углу храма, но теперь его поставили в центре, а перед ним помещалась маленькая икона распятия. Люди входили в церковь, приближались к этим двум образам распятого Христа, кто мог – клали земной поклон перед ними и прикладывались к меньшему изображению, а затем клали заключительный земной поклон. Сколь же подобающим для вступления в покаянный период Поста является напоминание о жертве нашего Спасителя – высочайшем для нас образце любви, отрекающейся себя (к которой мы и стремимся Постом), и, тем самым, о самопожертвовании, которое неотъемлемо, когда люди просят прощения и прощают друг друга.

В любое из воскресений в нашей церкви немного сидячих мест, поскольку православные христиане традиционно стоят в течение всей службы. Те немногие стулья, которые находились в храме, были собраны вместе и сдвинуты в сторону, так что вся центральная часть, с изображением страдающего Христа посередине, была свободна. Вечерня шла своим чередом, и, после того, как было окончено чтение покаянного псалма, наш епископ, священники и дьяконы сменили свое праздничное, расшитое золотом одеяние на более темное фиолетовое, отмечая вступление в период Великого Поста. Несколько прихожан вынули из-под икон золотистые пелены, так что открылись фиолетовые под ними, золотые лампы также были заменены фиолетовыми. В церкви распространилась благоговейная тишина.

По окончании вечерни, наш епископ, который сам есть изображение Страждущего Христа, вышел на середину храма. Он говорил о том, что ему приходится полагаться на наших дьяконов, которые помогают ему облачаться перед началом архиерейских служб; даже такое простое действие, как надеть соответствующую одежду для службы, невозможно осуществить одному. Это указывает, сказал он, на великую истину жизни, даже жизни епископа: без нас он ничто. То, что он является иерархом – и, конечно, христианином, – определяется его отношением к Богу и к собственной пастве. А потом он сказал нечто такое, что меня действительно поразило: «Когда я грешу против Бога, я грешу против вас». Услышав эти

слова, я поняла, что обычно нам говорят нечто прямо противоположное, – когда мы грешим против других, мы грешим против Бога, – имея в виду, что мы преступили ту или иную заповедь, причинив боль другому человеку. Но понимаем ли мы, что когда мы грешим против Бога, когда мы отходим от Него в той или иной степени, даже в своем сердце, тем самым, мы грешим против других? Отношения между христианами таинственны: каждый человек несет в себе образ Божий, и имеет Христа и Духа Святого, пребывающих в нем; так что в треугольнике отношений Бог-я-другой преступление одного против другого с необходимостью затрагивает и третью сторону. В той мере, в которой мы не составляем единого целого с Богом в совершенной любви, мы продолжаем нуждаться в Его прощении и прощении других.

Закончив свою краткую проповедь, Владыка попросил у нас прощения и совершил полный земной поклон перед нами. Мы традиционно ответили: «Бог простит». И затем, один за другим, начиная со служителей храма, мы еще раз почтили икону распятого Христа и совершили земной поклон с просьбой о прощении перед нашим архипастырем. Первый человек, подошедший к епископу, затем встал от него сбоку, так что следующий, после обмена прощением с Владыкой, мог затем подойти к первому и обменяться с ним земными поклонами и просьбой о прощении. Так продолжалось, пока мы все не составили огромный круг внутри храма, совершая земные поклоны друг перед другом и обмениваясь прощением: «Прости меня и помолись за меня» – «Бог простит. Прости меня тоже и помолись за меня, грешного» – «Бог простит. Дай тебе Бог благоденного Поста».

Воскресение было предзнаменовано и тем, что совершалось между людьми, когда мы делали первые шаги навстречу друг другу, и литургически, когда хор пропел пасхальные гимны в завершение службы.

Изучая проблему прощения на протяжении десяти лет, я вначале испытывала беспокойство по поводу того, что люди обычно отвечают «Бог простит», а не «Бог простит, и я тоже прощаю тебя». Мне казалось, что это легкий способ обойти тяжкий труд, связанный с тем, чтобы лично простить другого. Но постепенно я поняла смысл этого традиционного ответа. Православные христиане стремятся к *теозису* (обожению): единению с Богом, достижению полноты образа и подобия Бога в нас. Значит, если Бог простит, то и я тоже прошу. Обратите внимание на использование будущего времени: я *прошу*. Это может случиться не сразу, а потребует долгой борьбы с моей стороны. В таком случае, Прощеное Воскресение является как бы «обручением» – обетом – перед «свадьбой», борьбой за полное прощение. Но даже это – понимание неопфита. Я подо-

зреваю, что есть люди, настолько смиренные и любящие, настолько крепко соединенные с Богом, что прощение одного человека другим почти не является проблемой. Если я так поглощен жизнью Бога, если моя воля так согласуется с Его волей, тогда если Бог прощает, то *de facto* я тоже прощаю (настоящее время).

Кроме того, православные христиане считают смирение основной святости, основой для проявления совершенной, Божественной любви к другим. Это есть следование заветам Апостола Павла, который считал себя худшим из грешников и завещал нам считать других лучшими, чем мы сами. Не используя выражение «Я прощаю тебя» в Прощеное Воскресение, мы избегаем потенциального источника гордости. Бог прощает: вот альфа и омега нашего прощения других.

Пятилетняя дочь одного из наших алтарников, Катерина, часто стояла рядом со мной во время службы; этот раз также не был исключением. Когда подошла наша очередь исполнить обряд прощения, я попыталась объяснить ей, что же должно происходить, когда мы будем двигаться вдоль вереницы людей. Ее реакция выдавала традиционную трактовку прощения: «Почему я должна просить прощения? Я не сделала ничего плохого!» После многих лет изучения психологии детского развития я, казалось, должна была бы суметь объяснить ей это. Я немного подумала, и вместо того, чтобы попытаться дать краткое изложение основ богословия на дошкольном уровне, я просто сказала, что иногда мы делаем что-то, что причиняет боль другим людям, и даже не знаем об этом. Поэтому мы просим прощения у каждого, просто чтобы не оставалось сомнений, что у нас с ним хорошие отношения. К счастью, мне удалось привести в пример подходящую ситуацию с утренней службы. Объяснение менее чем удовлетворительное, но оно, похоже, сработало. Катерина отважно приблизилась к епископу и другим (просила ли она в действительности прощения, я не знаю) и, в конце концов, ей, по-видимому, понравилось происходящее. Это всегда чудесно – наблюдать изумление на лицах детей, когда взрослые кланяются перед ними и просят у них прощения и молитв. Семена однажды дадут чаемые ростки, которые расцветут более зрелым пониманием прощения, смирения и христианской любви.

Опыт прощения может быть разным, в зависимости от того, перед кем мы стоим. У близких друзей всегда есть, о чем просить прощения: резкое слово, разглашенная тайна. От епископа и прочих духовных лиц мне нужно было получить прощение за то, что я недостаточно поддерживала их, в особенности за то, что я не молилась за них должным образом. У тех, кого я едва знала, я просила прощения за те случаи, когда я была не очень рада им в церкви, или за то, что, ничего не зная о них, осуждала их

в мыслях. И, наконец, у случайного незнакомца я просила прощения за то, что я – плохой образец христианства. Прощение во всех этих разных контекстах – совсем не одно и то же, но оно, тем не менее, необходимо. Существует и общий знаменатель: как сказал один священник – поскольку каждый человек есть образ и подобие Божие, в каком-то смысле мы просим прощения у Бога, когда мы просим прощения у других.

Свмч. Фаддей Тверской, православный епископ, замученный коммунистами в 1937 году, писал: «Пост (Великий Пост) очищает нас от всего зла и, поскольку сущность закона Христа заключается в любви, то какое же зло может быть большим, чем гнев и ненависть, направленные на другого? Поэтому, разве истинный пост не включает в себя в первую очередь устранения ненависти к другим? Разве не должен пост начинаться с прощения обид, причиненных другими...?» (*Успенский*, 1998, с.187). Действительно, для православного христианина только самопожертвование (лучше всего воплощаемое Великим Постом), в котором мы укрепляемся Духом Святым, ведет к воскрешению со Христом на Пасху, и наши первые шаги к этому возрождению – поиск прощения у Бога и у другого.

Первоначальные эмпирические свидетельства

Хотя личные впечатления, изложенные в моем рассказе, дают некоторую возможность проникнуть в смысл и значение Прощеного Воскресения, для более полного понимания действия этого обряда необходима более строгая оценка опыта прихожан при помощи качественных и количественных методов. В качестве первого шага к такому пониманию было предпринято следующее исследование.

Метод

Люди, которые, по меньшей мере, в течение года посещали церковь, где проводился описанный выше обряд, получили краткие опросные формы. Участники набирались только из этой общины, для того, чтобы было ясно, что респонденты имеют некоторое представление о том, как данный обряд отправляется в данной определенной церкви (существуют некоторые отличия в совершении обрядов от прихода к приходу.) Бланки опроса раздавались прихожанам после службы, а также рассылались через Интернет, с помощью почтового реестра конгрегации. В почтовом реестре было зарегистрировано 34 человека, и еще 46 человек получили опросный бланк непосредственно в храме. Девятнадцать опросных бланков было заполнено, что составило 24% от общего числа бланков. Возможно, что некоторые люди входили в обе группы, поэтому в действительности процент возврата был выше.

Опрос был направлен на сбор демографических данных и данных о том, что участники думают о богословском значении службы Прощеного Воскресения, а также ее значении лично для них. Участников просили подробно рассказать о любом значимом ощущении, которое возникало у них в связи с совершением обряда. Количество слов в ответах по каждому пункту служило в качестве грубой и приблизительной меры сложности высказывания. Затем богословски подготовленный человек оценивал богословские соображения участников опроса по шестибальной шкале, показывающей степень, в которой участник опроса понимает действительную причину проведения Церковью этого обряда.

В ходе опроса проводилась также оценка личного участия опрошиваемых в жизни Церкви: участников просили оценить по четырехбалльной шкале Ликерта то, как часто они посещают церковь, принимают причастие, молятся дома и т.п. Показатель надежности оценок по этой шкале равнялся 0,76. Наконец, участников просили указать, сколько лет они служили в церкви на должностях, которые требуют более, чем базового начального богословского знания (то есть таких, как священник или директор воскресной школы), что служило очень приблизительной мерой оценки полномочий на богословское толкование.

Результаты

Средний возраст респондентов составлял 54.5 года; 10 человек из них – женщины, 7 – мужчины, и 2 не указали свой пол. Только один респондент был священнослужителем. В среднем, участники были членами Православной Церкви 40.5 лет и посещали этот приход 24.6 лет. Типичный респондент указывал, что посещение Прощеного Воскресения каждый год было «обычным для меня», но трое участников указали, что никогда не посещали эту службу. Средний рейтинг богословской точности был равен 3 баллам («ответ не противоречит Православному учению, но не относится к сущности службы»), а 8 из 19 респондентов получили оценки 2 балла и ниже. Оценки ниже 3 баллов относились к ответам, включающим некоторые элементы, противоречащие православной традиции.

Подсчитывались коэффициенты корреляции между всеми переменными. В целом, корреляции не были статистически значимыми, но некоторые взаимосвязи могут представлять интерес. Те, кто регулярно посещал исповедь, показали также тенденцию к посещению службы Прощеного Воскресения ($r = +.71$, $p = .001$). Наблюдалась значимая негативная зависимость между возрастом и длиной рассказа о конкретных, лично значимых переживаниях по поводу службы Прощеного Воскресения; эта связь оставалась значимой даже с учетом количества лет с момента крещения и количества лет, в течение которых посещалась данная цер-

ковь ($r = -.54$, $p = .046$). Похожий результат был обнаружен для зависимости между количеством лет посещения данной церкви и длиной ответа на тот же вопрос, с учетом возраста и времени с момента крещения ($r = -.52$, $p = .055$). Регулярность исповеди и длина ответа на этот вопрос также имели негативную корреляцию, даже с учетом показателя посещения службы Прощеного Воскресения ($r = -.54$, $p = .026$). И, наконец, богословская точность понимания обряда имела позитивную значимую корреляцию с длиной рассказа о богословском смысле обряда ($r = +.48$, $p = .038$); также она в небольшой степени позитивно коррелирует с участием в общих трапезах, посещением праздничных служб ($r = +.40$, $p = .10$) и частотой чтения Священного Писания или другой духовной литературы ($r = +.42$, $p = .08$).

Записанные респондентами размышления о смысле Прощеного Воскресения и собственных переживаний во время этой службы были довольно разнообразны. Отвечая на вопрос, почему в Церкви существует такая служба, большинство участников указали, что у нас есть Прощеное Воскресение, чтобы мы могли вступить в священный период Великого Поста, примирившись с нашими братьями и сестрами (ср. Мф 5:24). Некоторые отмечали, что прощение друг друга является необходимой предпосылкой для получения Божьего прощения, к которому мы так стремимся во время Великого Поста. Другие упоминали, что прощение есть первый шаг к очищению себя, чтобы мы могли стать участниками Пасхального торжества. Несколько респондентов признались, что они не знают, зачем нам нужен этот обряд, и почему в ответ на просьбу о прощении обычно отвечают «Бог простит».

Интересно, что рассуждения респондентов о том, какой смысл лично они придают участию в обряде Прощеного Воскресения, несли в себе как положительные, так и отрицательные мотивы. Многие упоминали, что чувствуют себя «очищенными» после участия в обряде и обретают спокойствие и умиротворение к началу Великого Поста. Некоторые респонденты, однако, проявили цинизм, написав, что они подозревают, что многие просьбы о прощении не были искренними. Один респондент написал о грусти, которую он испытал во время обряда прощения, осознав, как мало он знает людей, с которыми вместе посещает одну церковь, а еще один – указал, что это как раз одна из тех служб, которую он чувствует необходимость посещать.

Обсуждение результатов

Может быть, главный интерес среди результатов, полученных с помощью описательной статистики, представляет относительно низкий показатель богословской точности представлений респондентов о том,

почему Православная Церковь совершает обряд Прощеного Воскресения (во всяком случае, с точки зрения богословски подготовленного человека, который не был лично знаком с респондентами). Как уже отмечалось выше, средний рейтинг богословского толкования службы показывает, что хотя объяснения участников не противоречат Православной традиции, они также не вполне охватывают сущность обряда. Почти половина (42%) участников дали ответы, по крайней мере, частично противоречащие реальной причине, по которой совершается обряд Прощеного Воскресения. Если считать, что нам необходимо осмысленно относиться к обряду, то, наверное, священнослужителям следует более обстоятельно пояснять, зачем он существует. Кроме того, объяснение это должно производиться таким образом, чтобы оно дошло до большинства прихожан, не только тех, кто присутствует на службе Прощеного Воскресения. Прихожанам также необходимо взять на себя ответственность в вопросе собственного образования, под руководством церковных авторитетов, относительно пред-Постовой традиции обряда прощения. В дальнейшем исследовании следовало бы выяснить, влечет ли факт понимания обряда, и если да, то, как и почему, какие-либо последствия для личного, социального и духовного развития того или иного человека. Учитывая результаты исследований, в которых продемонстрировано, что когнитивно-бихевиоральная терапия и психологическое просвещение могут весьма эффективно влиять на душевное здоровье (например, *Butler, Chapman, Forman, & Beck, 2006; Cuijpers, 1998*), вполне оправданным выглядит предположение, что если дать человеку разумное и подробное объяснение смысла обряда Прощеного Воскресения, то это может усилить положительный эффект участия в обряде.

Результаты корреляционного анализа следует оценивать как предварительные, поскольку размер выборки очень небольшой. Сильная положительная корреляция между регулярностью исповеди и посещением службы Прощеного Воскресения не удивляет, поскольку и то, и другое связано с покаянием, очищением и примирением. Эта корреляция предполагает, что если учить прихожан важности исповеди и побуждать их участвовать в этом таинстве, то, возможно, при этом возрастет вероятность того, что они будут участвовать в обряде прощения.

Около половины значимых и почти значимых корреляций включают длину рассказов респондентов о конкретном лично значимом опыте, связанном с этим обрядом (что не распространяется на рассказы о богословском и личном значении Прощеного Воскресения). Более молодые по возрасту прихожане дали более развернутые ответы на этот вопрос. Есть искушение объяснить такую зависимость тем, что многие молодые

люди в США перешли в Православную Церковь из других религиозных конфессий, и в этом процессе от них потребовалось напрямую задуматься о смысле православных обрядов, а также регулярно участвовать в них; однако, указанная корреляция остается значимой даже без учета времени с момента крещения, что дает основание предположить, что даже те молодые люди, которые были воспитаны в Церкви, все-таки более склонны рефлексировать личные переживания, связанные с обрядом. Возможно, взросление в постмодернистской культуре, которая требует от людей определиться в мировоззрении, или тот факт, что они развивались в период бурного распространения Православия в США, ответственны за такую зависимость.

Отрицательная зависимость между (а) членством в изучаемом приходе и регулярностью исповеди и (б) длиной рассказа о личном опыте является загадкой. Эта зависимость предполагает, что те, кто дольше состоит в этом приходе (с учётом возраста и времени с момента крещения), и те, кто чаще исповедуются, меньше говорят о своих личных переживаниях по поводу Прощеного Воскресения. Ожидать следовало бы, скорее, прямо противоположного, а именно того, что те, кто глубже вовлечены в таинства в жизни прихода, будут иметь более развитую рефлексивность обряда. Однако, возможно, что когда человек активно участвует в таинственной жизни прихода, это ведет к такому количеству личностно значимых переживаний, что становится маловероятным, что он, в частности, вспомнит переживания, связанные с какой-то одной разновидностью службы.

В качественном отношении ответы участников, хотя иногда очень краткие и богословски слабые, отражают многие психологические и социально-психологические темы, которые предполагались психологами, изучающими обряд. В теоретических исследованиях, например, отмечалось, что обряд может восстанавливать сообщество. Один из респондентов, подтверждая это, пишет, что служба дает «понимание, что для нас, как для членов христианской общины, путь [ко спасению] есть не только путь индивидуальный, но и в сообществе». Замечание более личного характера сделал еще один человек, который пишет: «Я вспоминаю свою первую [службу], когда я был не готов к тому, чтобы кланяться всем подряд, но затем, после всего, испытал невероятную близость к каждому». Другая участница вспоминает о том, что в тот самый день, еще до службы, пережила оскорбление со стороны группы женщин в церкви, затем вместе с ними участвовала в обряде прощения, и в заключение своего рассказа она пишет: «Когда я уходила [со службы], у меня больше не оставалось тяжелых чувств по отношению к этим женщинам, я знаю, что некоторые из них действительно сожалели о том, что они сделали».

Размышляя о том, как действует обряд Прощеного Воскресения на общину, один пожилой респондент восклицает: «Какое теплое ощущение близости!»

Еще одна тема, встречающаяся в научных работах, касается того, что участие в обряде воспитывает нравственность и дает чувство очищения. Точно так же один из участников написал, что Прощеное Воскресение является «шансом для изменения... местом, с которого можно начать возвращать свою жизнь на правильный путь». 8 из 19-ти респондентов высказали подобные идеи, прибегая в своих рассказах к таким выражениям, как *очищенный, чистый* и *свежий*.

Некоторые теоретики утверждают, что обряд воздействует на мировоззрение, напоминая человеку о ключевых аспектах и основных принципах подхода к жизни. Иногда респонденты видели это в обряде Прощеного Воскресения. Один человек написал, что служба «является напоминанием о той цене, которая была заплачена за наше спасение, и когда Христос умирает на кресте, он прощает их Божественной любовью». Для этого человека Прощеное Воскресение является напоминанием о некоторых основных положениях православной веры. Другая участница отмечает, что служба дает ей «правильный образ мыслей», так что можно предположить, что обряд настраивает когнитивную систему на период Поста.

Э.Эриксон является единственным психологом из всех цитированных нами выше, который отметил, что религиозный обряд дает людям возможность подражать их идеалу «я». Хотя ответы участников не особенно затрагивали эту тему, в некоторых из них все же высказывались идеи, созвучные идеям Эриксона. Одна участница пишет, что наиболее трогательный момент службы – «это смотреть, как священники просят прощения у епископа», так что можно предположить, что ее внимание направлено на тех, кто возглавляет общину и является предполагаемым образцом, которому следуют верующие. При обсуждении богословских основ обряда, другой участник опроса написал, что смерть Христа на кресте является «наиболее совершенным примером прощения». Таким образом, этот человек рассматривает прощение одного человека другим как подражание Христу.

В своих работах психологи иногда упоминают о роли, которую играет обряд в соединении человека с духовным миром. Однако, это не то, чему придается особое значение. Многие респонденты, с другой стороны, отмечали, что обряд Прощеного Воскресения связывает их с Богом. Некоторые специально останавливались на том, как эта служба обновляет их отношения с Богом. Одна женщина назвала Прощеное Воскресение «случаем ока-

заться поближе к Отцу». Другие рассказывали, как обряд позволяет им стать соработниками Бога в общине. Один человек пишет, что служба позволяет нам «получить представление о Божией милости и искупительном прощении» других, когда мы прощаем. Другой рассуждает:

Так как мы все должны поддерживать друг друга в вере и спасении, мы ... склоняемся или становимся на колени друг перед другом и просим прощения, и соглашаемся на это свободно, для того, чтобы мы могли стать едиными в разуме и сердце, быть в подлинном смысле Христовыми.

Еще один участник указывает:

...мужчины (и женщины) созданы по образу Божьему, так что мы можем упражнять наши способности быть едиными с Богом и походить на Бога. Эта служба дает нам такую возможность.

И, наконец, единственный священнослужитель в выборке написал:

Человек *должен* (выделено в оригинале) находиться в общении и в примирении со своим ближним, чтобы иметь общение и примирение со Христом, просто по назначению нашей человеческой природы, созданной по образу и подобию Божию.

Затем он отметил, что обряд прощения перед Постом – это один из многих способов, какими Церковь помогает нам в достижении этой цели. Очевидно, Прощеное Воскресение рассматривается многими респондентами как важный шаг в процессе *обождения* или поиска единения с Богом.

Коротко говоря, представления многих психологов о роли обряда находят определенное подтверждение в полученных качественных данных. Эти результаты дают некоторую предварительную возможность утверждать, что участие в службе оказывает влияние на психологическое и социальное развитие, области, традиционно находящиеся в фокусе внимания психологических теорий и исследований. Кроме того, совершенно ясно, даже на основании этого небольшого исследования, что участие в обряде Прощеного Воскресения вносит определенный вклад в *духовное* становление респондентов. Поскольку из многих предшествующих исследований нам известно, что переменные, связанные с религией, обычно определяют позитивные психологические состояния (*Hackney & Sanders, 2003*), разумно сделать теоретическое предположение, что Прощеное Воскресение оказывает положительное влияние на психологическое, социальное и духовное развитие индивида, причем путями, которые в данном исследовании не были выявлены. Дальнейшее исследование должно непосредственно обратиться к этой гипотезе.

Перевод с англ. – *Е.В. Загородной*

ЛИТЕРАТУРА

- Гассин Э. Православие и проблема прощения//Московский психотерапевтический журнал. 2003. №3, с.166-186.
- Успенский. Св.Фаддей. Радуйтесь. – М:Элеон, 1998.
- Barnett, J. K., & Youngberg, C. (2004). Forgiveness as a ritual in couples therapy. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*, 12, 14-20.
- Bulich, S. D. (1985). *The relationship between Serbian Orthodox liturgy and positive mental health*. Unpublished doctoral dissertation, University of Pittsburg.
- Butler, A. C., Chapman, J. E., Forman, E. M., & Beck, A. T. (2006). The empirical status of cognitive-behavioral therapy: A review of meta-analyses. *Clinical Psychology Review*, 26, 17-31.
- Cole, V. L. (2003). Healing principles: A model for the use of ritual in psychotherapy. *Counseling and Values*, 47, 184-194.
- Cuijpers, P. (1998). A psychoeducational approach to the treatment of depression: A meta-analysis of Lewinsohn's «Coping with Depression» course. *Behavior Therapy*, 29, 521-533.
- DiBlasio, F. A. (2000). Decision-based forgiveness treatment in cases of marital infidelity. *Psychotherapy*, 37, 149-158.
- Enright, R. D., & Fitzgibbons, R. P. (2000). *Helping clients forgive: An empirical guide for resolving anger and restoring hope*. – Washington, DC: American Psychological Association.
- Erikson, E. (1977). *Toys and reasons*. – New York, NY: Norton.
- Jacobs, J. L.. (1992). Religious ritual and mental health. In J. F. Schumaker, Ed. *Religion and mental health*. – New York, NY: Oxford University Press.
- Faber, H. The meaning of ritual in the liturgy. In H. G. Heimbrock & H. B. Boudewijnse (Eds.) *Current studied on rituals: Perspectives for the psychology of religion* (pp. 43-56). – Atlanta, GA: Rodopi.
- Gassin, E. A. (1997, March). *Receiving forgiveness as an exercise in moral education*. Paper presented at the annual conference of the American Educational Research Association, Chicago IL.
- Gassin, E. A. (1998). Receiving forgiveness as moral education: A theoretical analysis and initial empirical investigation. *Journal of Moral Education*, 27, 71-87.
- Gassin, E. A. (2001). Interpersonal forgiveness from an Eastern Orthodox perspective. *Journal of Psychology and Theology*, 29, 187-200.
- Gassin, E. A. (2005). Medicine divine: Can forgiveness better your health? *Christian Networks Journal*, pp. 23-24.
- Hackney, C. H., & Sanders, G. S. (2003). Religiosity and mental health: A meta-analysis of recent studies. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 42, 43-55.
- Hargrave, T. D. (1994). *Families and forgiveness: Healing wounds in the intergenerational family*. – Philadelphia, PA: Brunner/Mazel.

- Idler, E. L. & Kasl, S. V. (1992). *Religion, disability, depression, and the timing of death*. *American Journal of Sociology*, 97, 1052-179.
- Mitchell, B. P. (2003). *Constructive guilt, destructive guilt, empathy, and perceived seriousness of offense as factors contributing to seeking forgiveness*. Unpublished doctoral dissertation, Rosemead School of Psychology – Biola University.
- Morris, P. A. (1982). The effect of pilgrimage on anxiety, depression, and religious attitude. *Psychological Medicine*, 12, 291-294.
- Reich, K. H. (1990). Rituals and social structure: The moral dimension. In H. G. Heimbrock & H. B. Boudewijnse (Eds.), *Current studies on rituals: Perspectives for the psychology of religion* (pp. 121-134). – Atlanta, GA: Rodopi
- Pope, S. K., Beck, C., Shue, V. M., & Cook, S. C. (2003). The role of religion and forgiveness in the mental health of Arkansans attending senior citizens' centers. *Marriage and Family: A Christian Journal*, 6, 113-122.
- Rye, M. S., Folck, C. D., Heim, T. A., Olszewski, B. T., & Traina, E. (2004). Forgiveness of an ex-spouse: How does it relate mental health following a divorce? *Journal of Divorce and Remarriage*, 41, 31-51.
- Rye, M. S., Pargament, K. I., Pan, W., Yingling, D. W., Shogran, K. A., & Ito, M. (2005). Can group interventions facilitate forgiveness of an ex-spouse? A randomized clinical trial. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 73, 880-892.
- Sandage, S. J., Worthington, E. L., Hight, T. L., & Berry, J. W. (2000). Seeking forgiveness: Theoretical context and an initial empirical study. *Journal of Theology and Psychology*, 28, 21-35.
- Van der Lans, J., & Geerts, H. (1990). The impact of the liturgical setting: An empirical study from the perspective of environmental psychology. In H. Heimbrock & B. Boudewijnse (Eds.), *Current studies on rituals: Perspectives for the psychology of religion* (pp. 87-102). – Atlanta, GA: Rodopi.
- Vandermeersch, P. (1990). Psychotherapeutic and religious rituals: The issue of secularization. In H. G. Heimbrock & H. B. Boudewijnse (Eds.) *Current studies on rituals: Perspectives for the psychology of religion* (pp. 151-164). – Atlanta, GA: Rodopi.
- Wiltvliet, C. V. (2001). Forgiveness and health: Review and reflections on a matter of faith, feelings, and physiology. *Journal of Psychology and Theology*, 29, 212-224.